

SOCIAL MEMORY AND PROBLEMS OF INTEGRATION OF PARTICIPANTS IN THE PROGRAM OF RESETTLEMENT OF COMPATRIOTS

Oksana V. Golovashina (a)

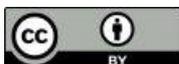
(a) Tambov State University / Financial University under the Government of the Russian Federation.
Tambov, Russia. E-mail: [ovgolovashina\[at\]mail.ru](mailto:ovgolovashina@mail.ru)

Abstract

The theoretical problem that is raised in this article is related to the need to clarify, first, the mechanisms of changing images of social memory, and secondly, the influence of social memory on the ways and methods of integration of migrants. The purpose of the article: to highlight the results of the study of integration models of participants in the resettlement Program of compatriots living in the Tambov region for 4-5 years, to study the impact of social memory on the identified models. The methodological Foundation was the ideas of K. Wulf, T. Schatzki, D. Olik, M. de Certeau, and others. 18 in-depth interviews with migrants from Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Ukraine, 28 pages of respondents in social networks, and the results of an Association experiment using visual intermediaries were processed. The analysis of sources showed that migrants are characterized by a conscious cultivation of a "new" identity and a desire for assimilation, but it is impossible to talk about full integration, since images of social memory, despite their dynamism, are quite stable and lead to the actualization of previous practices and models of actions. Additional difficulties are associated with the integration of migrants who moved in their Teens. The interaction of the social memory of migrants and the host community is associated with certain identity risks not only for migrants, but also for the host country

Keywords

social memory; integration of migrants; resettlement Program of compatriots; migrants; social ritual; performativity; process-relational theory; identity; practical turn; competing historical narratives

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Головашина Оксана Владимировна (а)

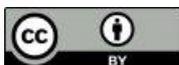
(а) ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» / Финансовый университет при Правительстве РФ. Тамбов, Россия. E-mail: [ovgolovashina\[at\]mail.ru](mailto:ovgolovashina@mail.ru)

Аннотация

Теоретическая проблема, которая поднимается в данной статье, связана с необходимостью прояснения, во-первых, механизмов изменения образов социальной памяти, во-вторых, влияния социальной памяти на способы и методы интеграции мигрантов. Цель статьи: освещение результатов исследования моделей интеграции участников Программы переселения соотечественников, проживающих в Тамбовской области на протяжении 4-5 лет, изучение влияния социальной памяти на выявленные модели. Методологическим фундаментом стали идеи К. Вульфа, Т. Шацки, Д. Олика, М. де Серто и др. Были обработаны 18 глубинных интервью с переселенцами из Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Украины, 28 страниц респондентов в социальных сетях, результаты ассоциативного эксперимента с использованием визуальных посредников. Анализ источников показал, что для переселенцев характерно сознательное культивирование «новой» идентичности и стремление к ассимиляции, однако невозможно говорить о полной интеграции, так как образы социальной памяти, несмотря на их динамичность, оказываются довольно стабильными и приводят к актуализации прежних практик и моделей действий. Дополнительные трудности связаны с интеграцией переселенцев, переехавших в подростковом возрасте. Взаимодействие социальной памяти мигрантов и принимающего сообщества связано с определенными рисками идентичности не только для переселенцев, но и для принимающей стороны.

Ключевые слова

социальная память; интеграция мигрантов; Программа переселения соотечественников; мигранты; социальный ритуал; перформативность; процессо-реляционная теория; идентичность; практический поворот; конкурирующие исторические нарративы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Увеличение интенсивности миграционных процессов создает условия для трансформации социального пространства, акцентируя такие его атрибуты как трансферы и мобильности. Мир меняется быстрее, чем поколения, и впервые жалобы старших на то, что раньше все было по-другому, стали иметь смысл. Это означает, что «мы переходим из эры заранее заданных реферативных групп в эпоху универсального сравнения, в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежна неопределенна, не задана заранее и может подвергнуться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения: то есть завершения жизни человека» (Бауман, 2008, стр. 13). В этих условиях идентичность возможна только как проект (из «дано» превращается в «найти», как писал З. Бауман) (стр. 14), а идентификация оказывается перманентной. Личность не просто скрывается за разными масками, иногда сливаясь с ними (о чем говорил, например, Дж. Мид) (Mead, 1982), а становится похожей на древнегреческого героя Протея, не имеющего своего лица (Lifton, 1993).

Особенно рискам идентичности подвержены мигранты, для которых описываемая Бауманом «победа кочевого образа жизни» (Бауман, 2008) – не только метафора нового социального пространства, но и переживаемый ими опыт, а интеграция оказывается жизненной необходимостью, а не одним из этапов проекта.

Цель предлагаемой статьи – исследование стратегий интеграции, выбранных участниками Программы переселения соотечественников, анализ возможных рисков идентичности, связанных с этими стратегиями и место социальной памяти в этих рисках.

Исследование проводилась на материалах Тамбовской области, которая была включена в состав еще первых двенадцати пилотных регионов, где Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, действует с 2007 года. За время действия программы в регион прибыло более 17,5 тыс. соотечественников (Более двух тысяч соотечественников... 2019), в основном, из ближнего Зарубежья. Среди приезжих – инженеры (более 500 человек), врачи и медицинские работники (около 200 человек), педагоги (более 100), квалифицированные рабочие и др.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве общего методологического фундамента был выбран практический поворот в современных социальных исследованиях, в основе которого лежит понимание практики и практик как той среды, в которой воспроизводится, конструируется и сохраняется социальное. Базовой идеей, на которой строилось исследование, выступила подтвержденная еще Д. Локком связь идентичности и памяти (Локк, 1960, стр. 128). «Наиболее убедительным все еще остается утверждение, что наша идентичность находится в прошлом» (Анкерсмит, 2007, стр. 436), а «Прошлое – это не то, что с нами было, а то, что мы сделали с тем, что с нами было», – писал У. Джеймс, показывая таким образом активную роль субъекта в конструировании своего прошлого и себя через это конструирование. Работы Э. Эриксона (Эриксон, 1996) и Дж. Мида (Mead, 1982) показали влияние на процесс идентификации социализации и социального, однако индивид стремится контролировать мнение о себе, возникающее у окружающих («политика идентичности», И. Гофман). Поэтому в данной работе внимание будет обращаться, прежде всего, на место автобиографической и социальной памяти в самоконструировании идентичности в новых для индивида условиях, вызванных миграцией.

Проведенное исследование опиралось на идеи К. Вульфа, Т. Шацки, М. де Серто и др. (Schatzki, 2010; 2012; Вульф, 2009; де Серто, 2013). Их использование связано с пониманием социальной памяти как коммуникативного и смыслового поля, которое может быть важным пространством преодоления конфликтов конкурирующих версий памяти, и конструированием через этот процесс идентичности. В данном случае, речь идет о понимании тактик сопротивления и/или интеграции памяти переселенцев официальным нарративам и практикам социальной памяти принимающего сообщества. Большое значение для решения задач, поставленных в работе, имеют идеи Дж. Олика, который делает акцент на динамизме и вариативности коммеморативных практик, определяющих идентичность и определяемых, в свою очередь, идентичностью (Олик, 2012). Как показал Дж. Олик, память представляет собой социальную деятельность (2012, стр. 42), из чего мы можем сделать вывод, что социальные практики формируют память и влияют на нее. Он критикует представление о памяти как состоящей из предзаданных сущностей или субстанций, идею о том, что социальная память представляет собой «вещь или набор вещей, которые можно отделить от исследуемых процессов» (2012, стр. 45), а также настаивает на том, что исследование памяти не может сводиться к изучению представлений отдельного индивида или образа. Его

процессо-реляционная теория акцентирует внимание на изучение фигураций памяти – «то есть, меняющихся отношений между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы» (2012, стр. 46). Опираясь на методологию Олика, мы утверждаем, что образы социальной памяти меняются в разных контекстах, под действием интересов, действий участников.

Идеи других теоретиков позволили рассмотреть условия, которые влияют на изменения образов прошлого. Концепция Т. Шацки позволит рассматривать данную проблему на уровне различных контекстов практик индивидуальной жизни, в том числе, телесных практик (особенно, как части повседневных ритуалов) как той среды, в которой конструируется идентичность (Schatzki, 2010; 2012). Перформативная теория К. Вульфа позволяет определить потребность сообществ и индивидов в миметичности и перформативности социальных практик, которые выполняют двойственные функции. С одной стороны, эти практики ориентированы на воспроизводство стандартизированных исторических образцов, а с другой – вписываются в существующий ансамбль социальных отношений и культурных предпочтений (Вульф, 2009, Вульф, 2010). Теоретические выводы М. де Серто говорят о том, как повседневные практики позволяют осваивать новое социальное пространство, подстраивая под себя существующие нормы (Де Серто, 2013).

Необходимо заметить, что данная методология не способна охватить все особенности изучения сложного взаимодействия памяти и идентичности, однако она наилучшим образом позволяет реализовать поставленные задачи.

Источниками для работы послужили результаты 18 глубинных интервью с переселенцами, проживающих на территории Тамбовской области (г. Тамбов, г. Жердевка, поселок городского типа Сосновка) в течение 4-5 лет и уже получивших российское гражданство. Данный срок позволил проанализировать некоторые, выбранные переселенцами модели интеграции. В качестве источников использовались результаты анализа френдзоны страниц в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук» – всего 28 страниц) и результаты ассоциативного эксперимента с использованием визуальных посредников (Головашина, 2015). В качестве посредников использовались карты популярной игры на ассоциации «Диксит». Условия эксперимента частично повторяли правила игры. Участники (4-6 человек) получали по 6 карт из набора, а ведущий загадывал какую-либо ассоциацию, например, «Россия». (Затем ведущим становился следующий из

участников). Остальные игроки должны были выбрать из имеющихся у них карт ту, которая, на их взгляд, наилучшим образом соответствует высказанной ассоциации. Затем карты, которые предлагали игроки, перемешивались и раскрывались. Если в первоначальном варианте игры необходимо было угадать карту, поставленную загадывающим, то в проводимом эксперименте участники голосовали за ту картинку, которая больше соответствует ассоциации – так как цель была не в том, чтобы лучше узнать друг друга (как правило, участники были члены одной семьи или близкими знакомыми), а вербализировать имеющийся ассоциативный ряд. С этой же целью участники обязаны были рассказать, почему они выбрали именно эту картинку и почему положили свою. Высказанные суждения, а также сами изображения стали материалом для дальнейшего анализа. Также, в качестве дополнительных источников, использовались данные тематических форумов. В отдельных случаях мы будем использовать цитаты сообщений форумчан для иллюстрации наших выводов, снабжая их соответствующей ссылкой.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ данных источников, с опорой на выбранную методологию, позволил прийти к следующим выводам.

Желание быстрой интеграции приводит к культивированию «новой» идентичности, «изобретению традиций», сознательным практикам забвения. Мигранты интересуются местными новостями, активно включаются в локальные досуговые практики («а что у нас на ”майские” будет» (Ж., 54), «мы решили, что теперь на Крещение купаться в проруби начнем» (Ж., 32), «каждый год на Дне города гуляем» (М., 27)), то есть, в разнообразные социальные ритуалы, которые, как отметил К. Вульф, оказываются «формой производства социальной сцепки, благодаря своему этическому и эстетическому содержанию они должны гарантировать безопасность в эпоху нестабильности» (Вульф, 2010, стр. 25). Дж. Олик отметил, что от средств передачи прошлого зависит, какие воспоминания будут меняться и конструироваться (Олик, 2012, стр. 54). Представления о прошлом в учебниках истории, по телевидению, на массовых праздниках в принимающей стране будут разным; посещение различных мероприятий, связанных с национальными праздниками, помогает познакомиться с вариантами версии истории. В интервью с переселенцами часто встречаются такие фразы: «я не хочу иметь ничего общего с той страной» (Ж., 32), «друзья в отпуск зовут к ним приехать, но я не хочу» (М., 44), «нельзя смотреть назад» (Ж., 57)) и т.д. Это не связано с тем, что прежний

опыт носил травматический характер, скорее, забвение диктуется перформативностью. Память в этих условиях, как высказался во время ассоциативного эксперимента один из переселенцев, становится похожей на большой и неудобный чемодан, который проще оставить на вокзале. Важным оказывается представить себя как местного жителя, показать в таком качестве себя окружающим. Одна из переселенок после получения российского гражданства порвала свой прежний паспорт на глазах у коллег, некоторые выходцы из Средней Азии принимают христианство. Эти действия выступают вариантом ритуалов перехода (van Genner, 1981), то есть, ритуалом, который конструирует новую идентичность. Причем новый крестик, новый паспорт нужно всем продемонстрировать, потому что построение другой идентичности обязательно связано с социальным аспектом, а включение телесных практик обеспечивает «большой социальный вес, чем чистая дискурсивность» (Вульф, 2010). Конечно, мы не утверждаем, что эти практики делаются для «других», скорее, самоконструирование новой части себя нуждается в одобрении или хотя бы констатации этого факта сообществом, то есть, сама эта перформативность направлена на то, чтобы индивид, её проявляющий, стал частью новых сообществ в среде местных жителей.

С одной стороны, мы согласны с Вульфом в том, что сообщества производятся ритуалами, социальное конструируется через постоянные практики взаимодействия (Вульф, 2009), но с другой – однозначный вывод о том, что переселенцы через участие в различных социальных ритуалах успешно интегрируются в местное сообщество, стал бы упрощением. Перформативное культивирование новой идентичности не приводит к тому, что переселенцы действительно чувствуют себя «своими» на новой территории. Оставить на вокзале всю память о прошлом не представляется возможным. Результаты анализа круга общения в социальных сетях показывает гораздо меньшую степень интеграции, чем констатируется респондентами. В среднем, «земляки» занимают около 30-40% в списке друзей, причем именно с ними ведётся активная переписка, обмен комментариями, оценками. Это касается и страниц, которые появились уже после переезда в Россию, потому что четверо из имеющих анкеты в социальных сетях респондентов после переселения удалили свою страницу. В качестве примера на рис. 1. представлен список друзей в социальной сети Facebook соотечественницы из Узбекистана, татарки по этническому происхождению, которая приняла в Тамбове православие и просит на работе называть ее Сергеевна, а не Серверовна, (настоящее отчество выяснилось только при работе с ее документами).

Рисунок № 1. Список друзей в социальной сети Facebook соотечественницы из Узбекистана

Несмотря на то, что соотечественница зарегистрировалась в «Фейсбук» через два года после переселения в Тамбов, процент «земляков» выше, чем тамбовчан. Причем местные представлены, в основном, коллегами и знакомыми по работе, рекламными страницами и профилями иностранцев, проживающих в Тамбове. В «Моем мире» (страница существовала до переселения) процент «земляков» более 60 %.

Таким образом, при исследовании переселенцев важно иметь в виду, что уровень интеграции может не соответствовать заявленному ими в интервью. Однако, мы соглашаемся с тем, что практики доминируют в повседневном мире; таким образом, они противопоставляются рефлексии, эмоциям респондентов. Сохранение связи со страной исхода естественно, даже если переселенцы ее не признают, однако культивирование новой идентичности, в соответствии с идеями теоретиков практик, в первые годы после переселения приводят к появлению новых практик, которые более способствует интеграции, чем их отсутствие. Например, посещение общественных мероприятий повышает вероятность появления знакомств и установления связей с местными жителями, демонстрация норм, принятых в сообществе, улучшает взаимодействия переселенцев с принимающим сообществом. Включаясь в социальные ритуалы, переселенцы становятся частью нового для себя сообщества. Практический поворот позволяет не про-

водить строгого различия внутреннего и внешнего социального действия, но обращать внимание только на акты, осуществляемые респондентами.

Определенные трудности связаны с интеграцией несовершеннолетних переселенцев, переехавших в подростковом возрасте, которые активно демонстрировали идентичность, связанную с прежним местом жительства, и агрессивно относились к попыткам интеграции. Это касалось всех мальчиков-подростков (6 чел.) и проявлялось в стремлении говорить на родном языке друг с другом, агрессивно относиться к соседям по классу и площадке (младший брат был рад переезду в России, но старший – 11 лет на момент переезда – заставлял его общаться во дворе на узбекском, говорил, что русских надо бить, потому что они слабые, а нормальный мужик должен воровать, а не просить), замечания учителей связывать с дискриминацией, а не своим поведением. На момент проведения исследования уровень агрессии снизился. Но, например, во время ассоциативного эксперимента юноша, глядя на выбранную картинку, начинает критиковать новое место жительства, а папа упрекает его в том, что нельзя так относиться к своему новому дому. В другой семье выходцев из Средней Азии мама связала одну из картинок с Россией, потому что «она всех готова приютить и обнять», на что ее 16-летний сын заметил, что кормит она только одного, «который на нее похож». Переезд обратно юноши не планируют, хотя «скучают по друзьям», не видят будущего в Тамбове (впрочем, это касается не только молодёжи из семьи переселенцев), отрицательно высказываются насчет перспективы создания семьи с русской девушкой. Возможно, существует корреляция между почти эйфорией взрослых по поводу переезда и противоположной реакцией детей (в семьях, где культивирование новой идентичности было выражено слабее, реакция подростков также была не такой агрессивной), но это предположение требует дополнительных данных.

Основной конфликтотенный потенциал связан с индивидуальной автобиографической памятью и связанной с ней социальной памятью переселенцев. К. Вульф отметил, что любое социальное действие связано с речью и воображением (Wulf, 2005). В исследуемых случаях переселение было, хотя и относительно спланировано, но все-таки выступало как новый элемент в жизненном нарративе. Этнические русские в качестве главной причины переселения называли необходимость дать детям образование в России («чтобы нашу историю нормально знали, язык не забыли» (М., 38), представители других этнических групп хотели повысить качество жизни. В целом, респонденты говорили, что довольны своим решением, но на протяжении периода

жизни в России представления переселенцев о стране начинают меняться. Дж. Олик убедительно показал, что память – это не вещь, а процесс; через несколько лет после переезда многие отрицательные элементы прежнего места жительства забываются, а в новом можно увидеть не только положительное. В интервью соотечественники с восхищением описывают родной город (Самарканд), переселенцы подчеркивают, что Харьков красивый и большой, не то, что Тамбов, об изображенных на сохранившихся фотографиях друзьях, знакомых рассказывают с большим воодушевлением («люди у нас там добрые» (Ж., 57)) и интересом, чем о работе или досуге здесь. То есть, мигранты говорят, что «прижились» («Уже ощущение - что жила здесь всегда» (Жизнь после программы, 2015)), и все здесь нравится, но эмоциональный фон описания отличается от рассказов о «доме». Социальные исследователи знают, что определенные трудности адаптации нормальны и обычно носят временный характер, но для переселенцев они могут стать поводом для выводов. Как правило, здесь имеет значение ситуация в семье и доме. Воспоминания сами по себе могут стать ритуалом (Вульф, 2010, стр. 36) (например, вспоминать, как отмечали Новый год на родине во время каждого Нового года на новом месте), «ритуальные представления транслируют события прошлого в настоящее, а в качестве настоящего они могут стать настоящим опытом» (2010, стр. 36), и наличие подобных ритуалов вызовут сложности с интеграцией.

«Ясно, что память должна рассматриваться как часть более общих отношений смысла и исторических стечений обстоятельств» (Олик, 2012, стр. 61). Потенциальные источники конфликтного противопоставления «там» и «здесь» зачастую связаны с возрастом, а не фактом переезда. Рассказывать о юношеских воспоминаниях с большим воодушевлением, чем о сегодняшней работе, могут не только мигранты, но и многие люди, независимо от их биографии, однако, проблема в том, что опрошенные переселенцы видят в этом не особенность возрастной психологии, а следствие переезда. С друзьями в университете было хорошо, но не потому, что в университете часто бывает хорошо, а потому что у нас там люди лучше и добрее, не то, что здесь. Ностальгия может играть психотерапевтическую роль, способствуя формированию необходимой для идентичности преемственности с более ранними периодами жизни (Новиков, 2009), но может также вызывать сложности адаптации (Константинов & Ковалева, 2013).

Опрошенные респонденты (кроме детей) приехали в Россию уже сложившимися людьми. Образование большинство из них получило в

Советском Союзе, но пара десятилетий жизни в стране с отличными от внушаемых в советских школах нормами становится источником конкурирующих исторических нарративов. В дальнейшем это может привести к «диаспорической идентичности», «нести в себе потенциал конфликта лояльностей (к исторической родине и к принимающей стране)» (Зайка, 2009).

ОБСУЖДЕНИЕ

Экономические проблемы, на которые обращают внимание авторы различных публикаций: невозможность находиться в Центре временного проживания более двух лет, обязанность работать по обозначенной в анкете специальности, сложности со школой и детским садом – не озвучивались респондентами. Однако, переселенцы обращали внимание на реакцию местного населения на них, как на «чужих». Представления о России, сформированное в семье и (в большинстве случаев) в русскоязычной школе, может конфликтовать с представлениями принимающего сообщества. Русские на прежнем месте жительства, в России они становятся украинцами, казахами, киргизами. Все опрошенные респонденты родились не в России, и десятилетия, проведенные в среде другой культуры, приводят к чуть другим практикам, на которые обращают внимания коллеги, соседи. Иногда переселенцы могут замыкаться в узком семейном кругу («Я только “здравствуйте” всем говорю. Потому что начнешь еще чего – сразу чувствую, что смотрят не так. Лучше и не начинать» (Ж., 54)), переезжают в другие регионы, в которых стараются не акцентировать внимание на своей малой родине. Это касается только этнических русских, так как представители других этносов, как правило, не ассоциируют Россию с Родиной. При этом исследователи отмечают, что вне зависимости от мотивации миграции (вынужденная или добровольная), сохранение определенных культурных связей с общностью, в которой происходила этническая социализация личности, возможность, принимая культурную среду пребывания, соблюдать традиции, характерные для прежней среды, является одним из условий сохранения субъективного благополучия в новой ситуации» (Шамянов, 2014, стр. 195), то есть культурные заимствования положительно влияют на адаптацию (Гриценко, 2000; Усова, 2010).

Не нужно проводить исследования, чтобы понять, что миграция вызывает стрессовое состояние, но среди подростков этот стресс может сохраняться более 4 лет (Mirsky, Baron-Draiman, Kedem, 2002), а у пожилых мигрантов – до 10 лет (Flaherty, 1988; Kohn, Flaherty & Levav, 1989), если переселенцы не получают профессиональную соци-

ально-психологическую поддержку (которую участники Программы соотечественников, как правило, не получают). Исследователи отмечают необходимость для подростков отношений со сверстниками, имеющими подобный опыт миграции, для преодоления негативных последствий стресса (Blos, 1967), однако как раз этого общения малочисленные переселенцы, не создающие общин, не имеют.

Дж. Олик подчеркивает, что описываемые им характерные для социальной памяти

«поля, средства передачи, жанры, профили – это не разные вещи, и вообще не вещи, а разные способы структурирования практик. Вместе они производят фигурации памяти, т. е., сложноструктурированные и постоянно меняющиеся паттерны образов и смыслов, несводимых ни к заданной форме изображения, ни к контексту настоящего или к событию в прошлом» (Олик, 2012, стр. 69).

Динамика памяти, таким образом, зависит от контекста, в котором память меняется, а контекст, в свою очередь, прежде всего, определяется практиками. Постепенно в России начинают появляться программы, уделяющие внимание адаптации и интеграции мигрантов из Средней Азии (бесплатные уроки русского языка для московских школьников-мигрантов, выпуск специализированных пособий, групповые занятия и т.д.), но участники Программы переселения соотечественников оказываются без внимания соответствующих социальных служб и общественных организаций. Переезд в Россию, по мысли чиновников, должен стать не столько потерей прежнего места жительства, сколько приобретением Родины (не зря снимаемые официальными службами фильмы называются «Путь домой», «Домой, в Россию») так как данная группа мигрантов в качестве «соотечественников» уже должна обладать самосознанием россиян. Программа рассчитана на участников, «владеющих русским языком (устным и письменным), воспитанных в духе российской культуры и обычаев, способных к скорейшей адаптации и включению в систему позитивных социальных связей» (Региональная программа, 2019), однако эти критерии, во-первых, очень нечеткие, во-вторых, реально их никто не проверяет. Например, переселенец, по условию Программы также не должен являться носителем опасных заболеваний, и, если для проверки его здоровья существует специальная карта медицинского осмотра, то как узнать, способен ли переселенец к «скорейшей адаптации»? Чиновники принимают ксерокопию школьного аттестата с наличием там такого предмета как «русский язык» в качестве достаточного доказательства того, что переселенец знаком с русским языком и куль-

турой. Поэтому в качестве участников Программы в России оказываются не только этнические русские, которых притесняют в Средней Азии, но и представители коренных азиатских этносов, также имеющих право на переселение. Миграционные службы могут предоставить соотечественнику место в Центре временного размещения, выплатить полагающиеся компенсации переезда и «подъемные» (из-за различных бюрократических проблем опрашиваемые переселенцы получали эти суммы тогда, когда уже имели работу и переехали из Центра). Информационный пакет включает в себя только региональную программу, перегруженную статистическими данными и аналитической информацией, изложенными на специфическом научно-бюрократическом языке. Ни о каких программах адаптации речь не идет. Это увеличивает время интеграции, снижает ее эффективность. Поэтому первоначальная эйфория, характерная для первого года проживания в России, в большинстве случаев довольно быстро заканчивается, и переселенец обращается к своему прошлому опыту.

В заключение отметим, что взаимодействие социальной памяти мигрантов и принимающего сообщества связано с определенными рисками идентичности не только для переселенцев, но и для принимающей стороны. Изменениям подвергается память и, как следствие, идентичность не только мигрантов, но и местных жителей, под влиянием взаимного общения, столкновения с другими представлениями, связанными с разными институтами (Олик, 2012, стр. 48). В отличие от трудовых мигрантов, которые мало взаимодействуют с рядовыми горожанами, переселенцы общаются с местными жителями, и в результате этого возможны риски столкновения конкурирующих исторических нарративов. Все-таки в Самарканде действительно сохранилось больше интересных памятников, чем в Жердевке Тамбовской области; версия, что не стоило присоединять западную Украину, тогда бы и проблем сейчас не было б, может показаться вполне убедительной, а о политике Советского Союза в Средней Азии можно спорить бесконечно. Риск повышается, если учесть, что многие переселенцы работают в сфере образования, то есть, зачастую выступают в качестве одного из акторов политики памяти. С другой стороны, именно возможность коммуникации с представителями различных групп, развитие культурного разнообразия является ценностью мультикультурализма. «Есть множество различных типов памяти, существующих в разных контекстах», (Олик, 2012, стр. 47), однако между ними возможен не только диалог, но и конфликты. Переселенец может рассказывать на уроках о другой версии прошлого России, которую он усвоил в украинской школе, но, опираясь на идеи Дж. Олика, мы понимаем,

что, с той же степенью вероятности, он может изменить свои воспоминания под влиянием общения с коллегами и близкими, новых материальных условий, информации и т.д. Возможность разделения этих понятий могло бы быть государственной (или хотя бы региональной) стратегией, но пока оказывается вопросом выбора индивидов.

Таким образом, исследуемые участники Программы переселения соотечественников стремятся к ассимиляции, культивируя новую идентичность, что приводит к сознательным практикам забвения и «изобретению традиций». Возможные риски как для принимающего сообщества, так и для соотечественников связаны с автобиографической памятью мигрантов и реакцией окружающих на переселенцев как на «приезжих», «чужих».

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам работ, поддержанных грантом Российского научного фонда, проект № 17-78-20149 «Культурная память в России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации»

Список литературы

- Blos, P. (1967). The Second Individuation Process in Adolescence. *Psychoanalytic Study of the Child*, (22), 162-178.
- Flaherty, J., Kohn, R., Levav, I. & Birz, S. (1988). Demoralization in Soviet-Jewish Immigrants to the United States and Israel. *Comprehensive Psychiatry*. 29(6), 588-597. Doi: 10.1016/0010-440x(88)90079-x
- Genep, A van. (1960). *The Rites of Passage*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kohn, R., Flaherty, J. & Levav, I. (1989). Somatic Symptoms Among Older Soviet Immigrants: An Exploratory Study. *International Journal of Social Psychiatry*, (35), 350-360. Doi: 10.1177/002076408903500408
- Lifton, R. J. (1993). *The Protean self. Human Resilience in an Age of Fragmentation*. N.Y.
- Mead, G. H. (1982). *The Individual and the Social Self: Unpublished* Chicago: University of Chicago Press.
- Mirsky, J., Baron-Draiman, Y. & Kedem, P. (2002). Social support and psychological distress among young immigrants from the former Soviet Union in Israel. *International Social Work*, 45(1), 83-97. Doi: 10.1177/0020872802045001321

- Schatzki, Th. R. (2010). Materiality and Social Life. *Nature + Culture*, (2), 123-149. Doi: 10.3167/nc.2010.050202
- Schatzki, Th. R. (2012). Primer on Practices: Theory and Research. In *Practice-Based Education: Perspectives and Strategies* (pp. 13-26). Rotterdam, Sense Publishers.
- Анкерсмит, Ф. Р. (2007). *Возвышенный исторический опыт*. Москва: Европа.
- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер.
- Более двух тысяч соотечественников переехали в Тамбовскую область с начала года (2019, 6 ноября). *Русский век*. Получено из <http://www.ruvek.ru/?module=news&action=view&id=24012®ion=29>
- Вульф, К. (2009). *Генезис социального. Мимезис. Перформативность. Ритуал*. Санкт-Петербург: Интерсоцис.
- Вульф, К. (2010). Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (3), 23-50.
- Головашина, О. В. (2015). Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности. *Социологические исследования*, (7), 64-71.
- Гриценко, В. В. (2000). Влияние культурных различий русских мигрантов из стран ближнего зарубежья на процесс их интеграции с русскими в России. *Психологический журнал*, (1), 78-86.
- де Серто, М. (2013). *Изобретение повседневности. 1. Искусство делать*. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Жизнь после программы (2015, 26 июня). *Домой, в Россию*. Получено из <https://back2russia.net/index.php?/topic/1485-zhizn-posle-programmy/>
- Зайка, К. (2009). Диаспорические и иммигрантские сообщества. *Мировая экономика и международные отношения*, (10), 74 - 80.
- Константинов, В. В. & Ковалева, Н. А. (2013). Расставание с родиной: социально-психологическая проблема миграции. *Психологический журнал*, (5), 3-15.
- Локк, Дж. (1960). Опыт о человеческом разуме. В *Избранные философские произведения в 2-х томах. Т. 1*. Москва.
- Новиков, Е. В. (2009). *Нравственный смысл ностальгии*. Дис. ... канд. филос. наук. Москва.
- Олик, Дж. (2012). Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. *Социологическое обозрение*, (1), 40-74.

- Региональная программа Тамбовской области по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом (2019). Получено из: <http://pereselen-tmb.ru/index.php?id=172>
- Усова, Н. В. (2010). Субъективное благополучие и отношение российских мигрантов к некоторым аспектам проживания за границей. *Проблемы социальной психологии личности: межвузовский сборник научных трудов*, (8), 91-99.
- Шамионов, Р. М. (2014). Характеристики субъективного благополучия личности в условиях миграции. В *Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 2-й Международной научно-практической конференции* (стр. 193-199). Москва: Перо.
- Эриксон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. Москва: Прогресс.

References

- Ankersmit, F. R. (2007). *Sublime historical experience*. Moscow: Evropa. (in Russian).
- Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. Saint-Petersburg: Piter. (in Russian).
- Blos, P. (1967). The Second Individuation Process in Adolescence. *Psychoanalytic Study of the Child*, (22), 162-178.
- de Certeau, M. (2013) *The invention of everyday life. 1. The art of making*. Saint-Petersburg: Publishing house of the European University in Saint Petersburg. (in Russian).
- Flaherty, J., Kohn, R., Levav, I. & Birz, S. (1988). Demoralization in Soviet-Jewish Immigrants to the United States and Israel. *Comprehensive Psychiatry*. 29(6), 588-597. Doi: 10.1016/0010-440x(88)90079-x
- Genep, A van. (1960). *The Rites of Passage*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Golovashina, O. V. (2015). Associative experiment for measuring civic identity. *Sociological research*, (7), 64-71. (in Russian).
- Gricenko, V. V. (2000) Russian Russian migrants ' cultural differences influence on the process of their integration with Russians in Russia. *Psychological journal*, (1), 78-86. (in Russian).
- Jerikson, Je. (1996). *Identity: youth and crisis*. Moscow: Progress. (in Russian).
- Kohn, R., Flaherty, J. & Levav, I. (1989). Somatic Symptoms Among Older Soviet Immigrants: An Exploratory Study. *International Journal*

- of Social Psychiatry*, (35), 350-360. Doi: 10.1177/002076408903500408
- Konstantinov, V. V., Kovaleva, N. A. (2013) Parting with the Motherland: the socio-psychological problem of migration. *Psychological journal*, (5), 3-15. (in Russian).
- Life after the program (2015, 26 June). *Home to Russia*. Retrieved from <https://back2russia.net/index.php?/topic/1485-zhizn-posle-programmy/> (in Russian).
- Lifton, R. J. (1993). *The Protean self. Human Resilience in an Age of Fragmentation*. N.Y.
- Locke, J. (1960). The experience of the human mind. In *Selected Philosophical Works in 2 volumes. V. 1*. Moscow
- Mead, G. H. (1982). *The Individual and the Social Self: Unpublished Chicago*: University of Chicago Press.
- Mirsky, J., Baron-Draiman, Y. & Kedem, P. (2002). Social support and psychological distress among young immigrants from the former Soviet Union in Israel. *International Social Work*, 45(1), 83-97. Doi: 10.1177/0020872802045001321
- More than two thousand compatriots have moved to the Tambov region since the beginning of the year (2019, 6 November). *Russian century*. Retrieved from <http://www.ruvek.ru/?module=news&action=view&id=24012®ion=29> (in Russian).
- Novikov, E. V. (2009) *The moral meaning of nostalgia*. Doctoral Dissertation. Moscow. (in Russian).
- Olick, J. (2012) Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. *Sociological review*, (1), 40–74. (in Russian).
- Regional program of the Tambov region to assist in the voluntary resettlement of compatriots living abroad* (2019). Retrieved from <http://pereselen-tmb.ru/index.php?id=172> (in Russian).
- Schatzki, Th. R. (2010). Materiality and Social Life. *Nature + Culture*, (2), 123-149. Doi: 10.3167/nc.2010.050202
- Schatzki, Th. R. (2012). Primer on Practices: Theory and Research. In *Practice-Based Education: Perspectives and Strategies* (pp. 13-26). Rotterdam, Sense Publishers.
- Shamionov, R.M. (2014). Characteristics of the subjective well-being of the individual in the conditions of migration. In *Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world* (pp. 193-199). Moscow: Pero. (in Russian).

- Usova, N.V. (2010). Subjective well-being and attitude of Russian migrants to certain aspects of living abroad. *Problems of social psychology of personality*, (8), 91-99. (in Russian).
- Wulf, K. (2009). *Genesis of the social. Mimesis. Performativity. Ritual*. Saint-Petersburg: Intersocis. (in Russian).
- Wulf, K. (2010). The production of the social: ritual, emotions, memories. *Journal of sociology and social anthropology*, 3, 23-50. (in Russian).
- Zajka, K. (2009) Diaspora and immigrant communities. *World economy and international relations*, (10), 74-80. (in Russian).